

ЦИК СССР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ ЖИВЫХ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ
ИМЕНИ А. С. ЕНУКИДЗЕ

12

ТРУДЫ
ЯФЕТИЧЕСКОГО СЕМИНАРИЯ

I

Н. МАРР

АБХАЗСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ

(к вопросу о реформах письма)

ЛЕНИНГРАД

1926

Bibliothek der
Deutschen
Morgenländischen
Gesellschaft.

Ленинградский Гублит № 9711. 3¼ п. л. — 700 экз.

Государственная Академическая Типография.

В. О., 9 линия 12.

باکوده

چاغریلان برنجی عموم اتفاق تورکولوژی قورولتاینه
اتحاف اولونور

Посвящается

Первому Всесоюзному Туркологическому Съезду

в Баку

Предисловие.

Совсем недавно в Государственной Академии Истории Материальной Культуры был аспирантский конкурс на тему о вещественных памятниках, и одна из работ, работ наиболее научно-вооруженного, прекрасно вышколенного талантливом соревнователя, разъясняла второстепенное, подсобное значение самих памятников материальной культуры, приравнивая этнологию, хотя бы лишь одну археологию, к голой технике. Работа по месту и заданию не подошла, но автор житейски-научно был прав. Чем больше с годами всматриваюсь в корень вещей (а кому как не советским ученым и независимо от возраста смотреть именно в корень вещей, а не в нагруженные плодами широковетвистые фруктовые деревья, когда у нас все новые и новые посадки, да и так обнажились корни всех казавшихся заманчивыми своих и даже заморских древ познания), тем более убеждаюсь, что для гуманитариев не существует вещей, даже когда они ими любуются, нет памятников материальной культуры, а есть независимая наука *an sich und für sich*. Есть научные положения, дьявольски глубоко проработанные с акрибиею александрийских схолиастов, есть соответственно научная терминология и владеющие всею этой бездной книжных знаний, наследственно воспринимаемых, как потомственное дворянство («традиции», «школа», а не «рутина»?) и защищаемых молодыми еще более ожесточенно, с еще большим остервенением, чем пожилыми: у пожилых если не в самом производстве, в процессе научной работы, то на устах появляется

подкупающий наивных скепсис, скептические оговорки, хотя бы старческая скептическая улыбка с своего рода Соломоновой мудростью: «все сомнительно!». «Ничего верного нет в нашей науке». Это, да простят мне выражение, для точной квалификации необходимое, — лицемерие. Я не говорю о длинном хвосте ученых профессионалов, твердящих зады по чужим книгам, а о тех, которых имеются все основания считать действительно учеными, которые хоть когда-либо самостоятельно задумывались о самих корнях своего знания. Все они прекрасно чувствуют себя в своем деле отнюдь не скептиками, а уверенными так, как, может быть, не была уверена в своей правоте старушка, подбрасывавшая щепки в костер Саванаролы. Их науки для них отнюдь не предмет действительного скепсиса в какой бы то ни было части, ни в какой части, даже в терминах своих они не сомневаются, но подлинное их сомнение в существовании самих вещей. Были ли скифы? Были ли они действительно живым народом, было ли это живое племя, занимавшееся совершенно определенным производством в соответственном живом быту, отражавшем его трудовую жизнь? Были ли скифы (будем пока молчать про кимеров) вне предполагаемых их могил на вольном просторе вольной или невольной общественной жизни, где они отразили свою трудовую жизнь не только в подпочвенных погребениях, но и в быту массового населения, продолжавшего, может быть, и теперь продолжающего скифскую работу, над той же почвой или на той же почве, а с нею хранить и скифское мышление и скифскую речь, скифскую терминологию в наречении выдающихся пунктов окружающей физической среды и важнейших предметов материальной культуры, предметов ценных хозяйственно и культово, самых важнейших моментов массового культа? Или скифы это тени, призрачные тени из могил, имеющие значение лишь постольку, поскольку в науке установят в Лейпциге или Москве их приемлемый для мастеров научных костюмов облик? И, следовательно, наука, ее термины, ее утверждение само по себе, и вещи, предметы-вещи и слова-вещи

в своей самоценности сами по себе. Совершенно правильно, ученый кандидат в аспиранты подходил к отрицанию самодовлеющего значения памятников материальной культуры. Ведь с точки зрения современной науки не было и скифов. Ведь об этом нас учит не кандидат в аспиранты, а настоящий ученый, вполне сложившийся научный работник: мы, оказывается, не знаем, что такое скифы и, следовательно, и знать не хотим, когда интерес наш сосредотачивается на русском, что, предполагается, мы прекрасно знаем? И это верно! Разве скифы, которых по старой памяти до сих пор малюют в Лейпциге (да в одном ли Лейпциге?) францами, кому-либо известны? Но самое важное при этом отрицании и непризнании подлинных скифов в методе. Метод тот же самый, что в Москве, Лейпциге или Париже, он у нас, да и в Германии в отношении скифов, там у французов в отношении аборигенов Галлии, когда речь заходит о кельтах. «Аборигены были, но мы их не знаем, следовательно, какое нам дело до их языка или до их языков, когда мы занимаемся нашими милыми предками, кельтами?». Ведь это утверждает весьма почтенный ученый специалист проф. Dottin, не раз цитовавшийся нами, но дело не в нем и не во французских ученых, то же самое и в Испании. Допустим, мы не знаем языка аборигенов Галлии, но кельты-то знали тех аборигенов и их речь? А французская речь, как ни как действительно имеющая отношение к кельтам, ведь вскрывает контакт свой с речью до-кельтских аборигенов, яфетидов, из числа которых басков, эту улику всего вашего построения, никак не вырубить никаким топором, менее всего «индоевропейским». И все-таки для длинной вереницы ученых мужей от Московии до при-атлантической Иберии нет вещей, нет памятников материальной культуры, а есть научная словесность и соответственные научные положения, научная терминология. Иначе как можно было бы держаться до сих пор, терпеть до сего момента термин «индо-европейский», основанный именно на том, что у гуманитариев наука сама по себе, а вещи сами по себе. Вещей, памятников материальной культуры, знать мы не хотим, а науку —

да. В самом деле разве Индия родина так называемых «индо-европейских» языков? Или в Индии одни так называемые «индо-европейские» языки? Ничего подобного! Следовательно, мы готовы понять несуразность термина «индо-германский», как даже словосочетания, сплетения названия страны с племенным названием, тем более несуразность националистической тенденции перенести на германцев честь внедрения в Европу этой, казалось, белой кости, но какое реальное оправдание, оправдание в вещах или генезисе, имеет внесение Индии, и только Индии в термин, имеющий определить известную группу языков так называемую «индо-европейскую»? Никакого, если не считать того, что за исключительным научным вниманием к санскриту и сродным с ним языкам наука не видела и не хотела видеть тех же памятников живой материальной культуры, племенных образований более древних и предшествовавших не только своей речи, но также культурой в той же самой Индии. Если же выкинем Индию из господствующего ныне термина «индо-европейский», годится ли в тех же целях одно название «европейский»? Едва ли. Во-первых, так называемые «индо-европейские» языки имеются и вне Европы, и сами индоевропейцы до сих пор не прочь выводить эти языки из Азии, центральной Азии; во-вторых, в Европе не одни так называемые «индо-европейские» языки, в ней и турецкие, и угро-финские, если же их отводить как позднейших пришельцев, на что впрочем надо бы иметь более мотивированное правомочие, особенно относительно финской, да и вообще угро-финской группы языков, остается баскский у Пиренеев, отнюдь не изолированный, как раньше казалось, ибо баскский из яфетической семьи языков, как впрочем и столь сроднившийся язык, да и от начала генетически-близкий к турецкому, как чувашский, и об европеизме так называемых «индо-европейских» языков, при прежнем взгляде на них как на языки особой расы, не приходилось бы говорить, по указанному формальным и в значительной мере историческим основаниям в одинаковой степени и яфетидологам, и индоевропейцам, которым легко при современном подборе научных сил своего

стана отвергать яфетическую теорию¹, но трудно извергать из автотонов Европы басков, как пережитков до-исторического ее населения. Однако, у яфетидологов совершенно особое основание, чтобы термин «индо-европейский» считать не только малосостоятельным, необоснованным, но устарелым и требующим замены с момента, когда для них стало ясно, что эти языки преимущественно господствующих племенных образований, первоначально господствующих классов Европы и Передней Азии с Индией, не языки особой расы, а языки новой формации, вышедшие из яфетических так же, как из тех же яфетических языков на различных стадиях развития, более древних, вышли языки семитические и еще раньше турецкие с угро-финскими². Не может быть речи ни о каком не только исключительном индианизме, но и европеизме языков, которые по недоразумению или по, пусть, неосознанному, но все-таки чисто классовому восприятию этнологических вопросов величают «индо-европейскими». Соответственно прав молодой лингвист осетиновед В. И. Абаев, обративший наше внимание на недосмотр в этом, по существу дела, важном терминологическом вопросе, на нетерпимость названия «индо-европейский» с момента вскрытия происхождения по недоразумению носящих такое название языков из яфетических, территориально не менее европейских и, по всем видимостям, не менее индийских. Название и «индийский» и «европейский» могут, разумеется, сохранить указываемые языки новейшей формации по месту их с исторических эпох известного распространения на территории Европы и в Индии, как называем мы кавказскими языками некоторые яфетические языки, именно те, которые нам известны на Кавказе, рядом с пиренейским, при-памирским и при-волжским яфетическими языками, но необходим термин, характеризующий

¹ Даже наиболее сообразительные и осторожные не стесняются признавать нормальным, что индоевропейцы до сих пор не сумели усвоить научной транскрипции яфетического языкознания.

² Накопляются факты, склоняющие к мысли о рождении вообще урало-алтайских языков, в числе их турецких с угро-финскими, пожалуй, не раньше семитических.

так называемые «индо-европейские языки», — термин, точнее определяющий их или способный беспрепятственно расширяться соответственно новым достижениям науки, как сама по себе ничего не обозначающая кличка. В этом смысле племенные названия, получившие общее значение, как, например, «турецкий», resp. «тюркский», «финский» не вызывают никаких возражений. Не менее состоятельны термины по библейским именам мифических эпох, используемые, конечно, не в значении ветхозаветного или новозаветного родословия, а как сами по себе ничего не говорящие клички, получающие в применении к языкам то употребление и тот смысл, которые в них вкладываем благодаря успехам работ по соответственной отрасли языкознания. Потому-то не только семитический и хамитический, но и яфетический со стороны терминологических требований совершенно безукоризненны. Возражать против термина «яфетический» могут только те, у которых наука сама по себе, а вещи, вещи-предметы и вещи-слова, сами по себе. Существует известный круг языков с определенными соотношениями вещей-слов, не только как звуковых абстракций, но и как носителей определенных вещевых представлений, и тем, кто работает над все более и более разъясняющимися и материально соотношениями этих языков, не может быть отказано в праве обозначать соответственную группу языков названием, носящим такой же сам по себе ничего не обозначающий характер, как «семитический», «хамитический». Более того, когда соответственно именуемое яфетическое языкознание вскрывает факт возникновения так называемых «индо-европейских» языков из яфетических, как нового этапа развития человеческой речи, в процессе их трансформации, сама собою обнажается непригодность и без того устарелого и бессмысленного термина «индо-европейский», и возникает насущная потребность именовать языки новой формации (если не переходить по всем семьям к чисто лингвистическим терминам формального или идеологического порядка) в линии использования ничего собою не обозначающих мифических имен. Называем же без всякого недоразумения в одной из

точнейших наук, астрономии, такие совершенно конкретные предметы, как светила — Венерой, Марсом, Сатурном и т. п. В. И. Абаев подсказывает мысль использовать термин «Прометей». Поскольку «Прометей» связывается с изобретением огня, имеющего органическую связь с развитием металлической культуры, в широком хозяйственном применении которой усматривается момент, имеющий быть учтенным в вопросе о времени возникновения речи новой типологии; поскольку Прометей представляется по греческим преданиям сыном Яфета (*Ἰαπετός*), это название имеет как будто даже реальные основания для использования в качестве искомого термина, но, главное, это имя мифическое, ни к чему не обязывающее само по себе, разве — к культурной связи носителей его с населением Кавказа, что отнюдь не умаляет его пригодности для означенной цели, т. е. для именованного прометеидскими языков новейшей формации, вышедших из до-исторической речи яфетидов, а особенностей их — прометеидизмами. Употребление такого наименования — естественно в яфетидологических разысканиях. Это знаменует не только новизну наименования, но и новизну научного подхода к так называемым индоевропейским языкам, отныне для нас прометеидским. Индоевропейцы, столь же естественно, останутся и должны остаться при своем термине, поскольку они не приемлют яфетической теории. Но какое все это имеет отношение к вопросу о реформе абхазского алфавита? Утверждаю, прямое и чисто деловое.

Дело в том, что наблюдения последних двух лет нас не убеждают в правильности основного положения нашего доклада, на съезде, летом 1924 г., в Махач-кале, посвященного краеведению. Академическая среда сама из себя не может выжать творческого начала, чтобы выйти из трудного положения, критического положения, в которое попали так называемые гуманитарные науки. При новом нашем общественном строе источником такой живительной силы не может быть и Запад. Наука о человеке у нас может найти обновление лишь в одном источнике, общении с краевыми научными интересами, в разработке возни-

кающих на местах, в пределах союза вообще и внутри РСФСР, жизненных задач где лишь краевого, а где и национального охвата в той или иной союзной республике. Увязка же с крайними жизненными научными проблемами столь трудна и столь сложна, что успех ее трудно обеспечить без местной инициативы, местной массовой заинтересованности в просвещении и науке. Массы культурно отсталых разноязычных народов не меньше, чем масса часто не менее отсталого русского населения, должны быть приближены к науке и культуре. С иноязычными народами без их самодеятельности, без грамотности на национальном языке ничего нельзя достигнуть, поскольку дело касается не тонкого слоя той или иной национальности, в значительной мере оторванного или отрывающегося от массового населения, а именно самих масс. Вопрос о грамотности этих иноязычных масс разных национальностей это громадной важности дело не только для общественности всего советского строя и для данной национальности, но и для науки. Ликвидация безграмотности это лишь альфа советской общественности, необходимо приобщение к научной культуре, в отношении которой национальности заинтересованы в знаниях ученых, а ученые в притоке свежих сил для продвижения знаний, особенно в науке о человеке. Новые проблемы, новые подходы к старым висящим в воздухе многолетним научным проблемам немислимы в той степени, в какой в них narosla потребность и в науке, страдающей от рутины, и в жизни, гиблой от отсутствия нужных знаний. Надо научно, современно научно браться за дело с азов. Потому-то эпидемия алфавитных новотворчеств и не страшна, ее можно лишь приветствовать, если это искренне и серьезно. Но порой или искренность или серьезность реформаторской работы становится под сомнением. В таком случае правы, пожалуй, те, которые в этом вопросе предпочитают политику *poli tangere* — 'не тронь меня!' 'Все да будет по прежнему!' В самом деле, там, где, казалось бы, имели мужество тронуть, лишь одна половинчатость или баловство, если не хуже. Национальные, религиозные интересы пере-

житочного средневекового понимания имеют основание рисовать свое будущее в розовых красках. Я видел в процессе выработки новую латинскую транскрипцию для черкесского языка, да это — прошу прощения за резкость — издевательство над актуальным вопросом громадного культурно-общественного значения. Не подлежит никакому сомнению, что изобретение армянского и грузинского алфавитов в первоначальном их виде еще на заре средневековья происходило с лучшим соблюдением гарантии научности, с ббольшим учетом того, что делалось у соседей, да и с состоянием вообще науки, чем современная нам работа по реформе алфавитов в стране, где столько академий, институтов, университетов и несколько тысяч ученых, тысячи ученых в одной секции научных работников. Наука сама по себе, а вещи-слова, вещи-предметы, вещи-дела сами по себе. Результаты не заставят себя ждать. Всякий здравомыслящий в странах традиционной мусульманской культуры скажет (уже говорит): «лучше вернуться к применению арабского письма, более того, лучше арабский язык, мировой культурный язык Корана, чем не только язык, но и письмо, которое за пределами нашего ущелья, где мол можем обходиться общением без письма, нас не выносит». Никакие страшные властные слова, никакие авторитетные научные собрания не помогут, если неправильно проводится дело. Если, к тому же, старая техника оказывается более продуманной, более разумной, она в соединении с традиционными навыками, которых не обобрать ни в науке, ни в школе, ниже в жизни, возьмет верх и скушает без остатка весь смысл новых начинаний. А разве в Чечне иначе, тем более в Дагестане? Или лучше у турок, азербайджанских турок, первому туркологическому съезду которых, в Баку, посвящается настоящая работа? Ведь реформа имела в виду одну общую основу всех новых алфавитов, выработанных из латинского письма. На деле что ни народ, то особое письмо, особая система, и это в шаг, предполагается, с шествием интернационала. У азериев или азербайджанских турок по край-

ней мере сохраняется чувство своего национального достоинства, стараются об языке масс, турецком языке массового азербайджанского населения. У других культурно отсталых народов и этого нет: «зачем мол изучать свой язык? Кому это-де нужно?» В Дагестане это, казалось бы, национальное вырождение, пережиток навязанного Европою худшего рабопения, рабопения мысли, дошло до того, что ни один из приехавших в Ленинград дагестанцев не думал об изучении своего родного языка: «если изучать, то разве турецкий!» Соответственная речь порой слышна даже в осетинской среде. Явный отрыв от масс, явное непонимание происходящего на наших глазах культурного сдвига масс, явления грандиозного мирового значения общественно, чрезвычайных чаяний той живой не окончательно омертвевшей научной среды, которая ищет своего обновления, освежения своей исследовательской атмосферы и техники от притока девственных рабочих сил, но вместе с тем и пользы для народа в целом, до низов, который, напр., в Абхазии остается на той же ступени культурного развития, несмотря на успешное для начала материальное строительство, на созидание фабрик табачных изделий и других предприятий того же порядка, — на той ступени почти доисторической, на какой он стоял вчера да позавчера, ибо его язык отброшен от стола с научными яствами, у него нет своей здоровой грамотности, нет даже современного построенного алфавита. Но потребность в нем однако руководящие круги абхазского народа почувствовали, как можно видеть из следующего документа:

Специальная Комиссия в составе Наркома по Просвещению С. Я. Чамба, заместителя его А. М. Чочуа, Д. И. Гулия, Н. Патеипа, С. П. Басария, тт. Хашба, Д. Чачба, Чалмаз, Таркил, Ахуба, Шабата Эмухвари, А. Ф. Басария, Аршба и Н. Я. Марра на собрании 30-го июня 1924 г. постановила «единогласно... в основу принять латинский шрифт, для этой цели одобрить составленный академиком Марром «Абхазский аналитический алфавит». Просить его пересмотреть шрифт, упростив пись-

менное начертание как со стороны легкости, так художественности».

Последние слова, требующие упрощения и художественности, мною были приняты в тех пределах, в каких упрощение не затрагивает самих основ нашего аналитического алфавита, оно сводится технически к более простому выражению того, что возлагается на алфавит, как функциональная задача. Что касается художественности, то это для нас также техническая сторона исполнения. Приняты были меры к наиболее удовлетворительному разрешению обоих требований, но для нас стало ясно, что и простота и художественность придут постепенно в процессе массового использования алфавита, вообще красота абхазского алфавита может быть создана лишь самими абхазами, от ученого ее требовать нельзя, дело ученого — правильность и жизнеспособность системы. Но и технически в первую очередь требуется, и все это может быть, и современем должно быть достигнуто до полного фактического осуществления, именно, чтобы алфавит, когда текст пишется от руки, а не в печати набирается, давался для связного, без отвода руки от работы, писания. Это условие можно выполнить, получив письмо раздельное и письмо связное, и вообще вся техническая сторона может быть удовлетворена в путях нарастания навыков от практики и технической помощи специалистов графики и художников. Другое дело — сам принципиальный вопрос, переход на латинское письмо и признание необходимости именно аналитического письма. Эта сторона, нам казалось, подлежала обсуждению на научном собрании краеведов и самих абхазов, на первом краеведческом съезде Черноморья и западного Кавказа в Сухуме, где в соответственной секции вопрос был разъяснен в особом докладе и предлагаемый алфавит получил принципиальное одобрение¹

¹ Читанный на съезде доклад послужил основой настоящей работы.

§ 1. Аналитическое письмо на основе латинских букв и его применение для абхазского языка, абхазский алфавит, вот сейчас предмет нашего интереса с трех различных сторон: общественной, научной и технической. Как общественный вопрос, его пока приходится рассматривать в конкретных условиях кавказской жизни. Тем не менее принципиальное освещение необходимо, оно должно послужить необходимой предпосылкой того или иного практического решения.

Письмо, рядом с языком, есть орудие общения людей, как внутри, так постепенно и вне сложившихся общественных организаций. История письма идет по стезям истории языка, с той разницей, что на развитие поступательного движения письма легче влиять, при письме не приходится считаться с теми факторами, что у языка, так в частности массовой «психологиею», суммой наследственных навыков, слагавшихся в итоге накопления рефлексов, которая впрочем подчиняется законам развития общности, проходит тот же создаваемый общностью путь от племени, группировки людей не по физическим, а по хозяйственно-производственным признакам, через нацию и государственность к общечеловечности.

Путь человеческой речи от многоязычия к единству языка. Возникновение вспомогательных искусственных языков, как эсперанто и др., не исключая и идо, по идее, конечно, предвосхищение будущего, но по выполнению и технике, естественно, суррогат¹ того, что неизбежно наступит в путях естественного процесса общественной жизни народов: единство языка. Оно явно наступает: путь, пройденный человечеством в направлении

¹ Кстати, в этом нет ничего обидного, во всяком случае с нашей стороны нет никакого злого умысла против эсперантистов или их конкурентов, а разъяснение одного из независимо добытых основных положений яфетической теории.

к этому достижению, был несравненно более долгий, чем тот, который предстоит ему проделать. Конечно, более развитая общественность может ускорить и должна ускорить этот процесс, но все в путях законов общественного или коллективного творчества, в котором все народы мира призваны принять участие, независимо от их воли. Это процесс мировой, от которого ни одна национальность не может спастись, великодержавная не больше, чем слабосильная. Процесс мировой в то же время нисколько не угрожает ничему национальному росту, ни в какой мере развитию национальных языков и письменностей, хотя бы ныне возникающих. Это мировой процесс громадного охвата, идущий одной хотя всеускоряющейся, но всетаки медленной поступью, общей с мировым хозяйством, ведущим к унификации человечества в отношении условий общения, но вовсе не к обезличению людей. Это дальнейшие этапы победоносной борьбы человечества над природой, дальнейшие этапы в претворении человечеством одних форм общежития, зависящих от механики природы и физических условий, в другие более свободные формы, зависящие от более совершенного по гибкой приспособляемости и более сложного механизма общественности. Потому то это дело не только естественников, способствующих накоплению материальных богатств, этих предпосылок общественного перерождения человечества, но также и, особенно, общественников, ведущих исследовательские работы над жизнью человечества и человека, как социального явления, над вопросами общественности, ее техники и технических средств, в числе их языка и письма. На фоне раскрепощенного от внешних условностей единого людского общежития только и возможно выявление человеком своей индивидуальной сущности в наиболее полном и ярком виде. При движении по этому неизбежному пути, условия взаимодействия народов всего мира не в меньшей степени требуют единства письма, т. е. тождества основных начертаний алфавита и тождества приемов воспроизведения сложных звуков, исходящего от основных или простых звуконачертаний.

§ 2. Сначала человечество не имело осознанной потребности в проявлении индивидуальности личной или групповой. Пиктографическое письмо, письмо в образах, не ставило грани между соседящими племенами и не создавало препятствий к уразумению начертанного, предоставляя возможность одинакового всем понимания его благодаря общедоступным символам всем одинаково общих представлений. Клинопись, с групповым изображением звуков, слогов и целых слов, также в значительной степени была письмом многоплеменных объединений, особенно благодаря переживавшим в ней знакам идеографического характера. Наступили эпохи, когда на дальнейших этапах развития человечества, специализацией того или иного племенного образования по определенной производственной работе, отдельные части, наиболее преуспевавшие в выделившихся территориально или классово слоях, внимание сосредоточивали на осознании индивидуальности своего этнического образования, своей впоследствии так называемой национальной природы. Выработанное тогда фонетическое письмо с раздельным изображением каждого звука, чем далее, тем более становилось особым для той или иной общности. В Средиземноморьи на пространстве от западной Иберии на Пиренейском полуострове до Палестины и Аравийского полуострова и далее было столько писем, сколько мы сейчас не в силах считать на многоязычном Кавказе, не смотря на сказочное умножение младописьменных народов. Это индивидуальное письмо, фонетическое, шло с запада на восток, с Средиземноморья в глубь Азии, ни в каком случае не обратно. Фонетически менее совершенное письмо семитов, без гласных, общественно имело преимущество в том отношении, что при коренных согласных, общих у различных наречий, иногда и языков той же семьи, поскольку письмо отмечало лишь их, постольку оно было доступным для большего круга различных семитических племен, если не народов. Шаг перехода от безгласовочного письма к огласовочному сделать было, конечно, не трудно, но этот шаг был необходим для языков без такой раздельной роли гласных и согласных, так, напр., проме-

теидских (т. п. индоевропейских) языков; здесь обозначение и гласных, менее подвижных и играющих роль коренных, насущная потребность.

§ 3. Выходит так: до-исторические народы могли писать естественно рисунками, письмом пиктографическим, это яфетиды, собственно яфетиды первичной формации, еще ураниды. От них переоглифические письмена, может быть не в одном Египте. Клинописные начертания в Месопотамии и Передней Азии бесспорно от яфетидов. В клинописных не только звуковые значения идеограм, но и самих слоговых звуков вскрывают, что создатели их были яфетиды, правда яфетиды более древние, чем шумеры и эламы. Семиты продолжают клинопись, унаследованную от яфетидов, и развивают особого типа слоговое фонетическое письмо, слоговое письмо с подвижным, то меняющимся, то исчезающим гласным. Уточненное фонетическое письмо мы находим в Средиземномории у греков и римлян. Следовательно, с возникновением прометеидов («индоевропейцев») только и могло возникнуть подлинное фонетическое письмо. Действительно, прометеиды («индоевропейцы»), казалось бы, создатели настоящего фонетического письма. Однако этого мы не можем утверждать, так как, во-первых, прометеиды («индоевропейцы») не порождение одного момента, они по речи представляют, в итоге длительного глоттонического процесса, претворение яфетидов, некоторые из которых успели пройти тот же процесс до грани, близкой к прометейдизму («индоевропейизму») Первозачатки подлинного фонетического письма могут принадлежать средиземноморским яфетидам с новой формацией речи. В эволюции грамотности Средиземноморья должна быть учтена и роль местных пиктографических письмен.

§ 4. Нас однако сейчас интересует не изобразительная сторона письма сама по себе, а общественная, именно круг, описываемый развитием письма в движении от всем одинаково доступной изобразительности (пиктографии, слов в образах) к фонетической азбуке, приуроченной к одному этническому образованию, с неизбежным возвращением впоследствии к общему меж-

*

национальному алфавиту, осознанно построенному на общих основах, общих всем элементам, с учетом звуковых особенностей всех этнических образований. Наша эпоха уже свидетельница наступления этого неизбежного возвращения к общему алфавиту. Мир полон опытов создания алфавитов, общих для ряда этнических образований, впоследствии национальностей. Чаще такой общий алфавит навязывался в итоге империалистического насаждения государственного языка или языка церковного. На Западе самоопределение национальностей потому связано было с освобождением от латыни. Письмо осталось латинское, но с усилением феодализма и феодализованных национальностей единое латинское письмо настолько индивидуализовалось по каждому народу, что общность европейского письма есть собственно фикция, фактическая разобщенность в письме явное наследие средневековья в Европе.

Таково же происхождение разобщенности в письме и на Кавказе; здесь разобщенность в письме, однако, более сильна от того, что процесс феодализации каждого письма развертывался на фоне борьбы не с одним, а с рядом империалистических писем (арамейского, персидского, греческого, арабского), ведших, естественно, и взаимную борьбу. В новейшее время в эту борьбу втягивалось и русское письмо.

§ 5. На Кавказе не только каждое древнее письмо, армянское оно или грузинское, есть наследие средневековья, каждая буква особый феодальный замок, который надо брать учащемуся штурмом.

При подъеме и росте народных движений и на Кавказе мы наблюдаем созидание общенародного алфавита, так в эпоху проникновения на южный Кавказ христианства в его первичной форме, не терявшей норм международного социального переворота, у армян, грузин, равно у имевших тогда свое обособленное национальное существование албанов и некоторых других горских народов возникла или возникала письменность на родном каждому национальному образованию языке с одним общим алфавитом. По расслоении христианства и трансформации его

в классовое или сословное дело, наоборот, принимались меры к их дифференциации или расхождению для разобщения народов. Этим, между прочим, объясняется расхождение армянского и грузинского церковного алфавитов, сохранивших тем не менее общий облик своего единого общего прототипа, первоначально приспособленного к кавказским языковым звукам общего христианского алфавита.

§ 6. Представляется потому совершенно невероятным, а между тем это факт, что народы, именно более культурные, и отстаивают на Кавказе фанатически это наследие средневековой отжившей общественности, отстаивают как национальную реликвию, точно дело имеем с предметом музейного порядка, а не живой общенародной потребности.

Исходя из взгляда на алфавит как на предмет культа, реликвию, не одни кавказские древнеписьменные народы высказывают отвращение не только к переходу на новое письмо, соответствующее потребностям современной жизни, да и по существу более обоснованное, но и всякой реформе старого алфавита, хотя бы простой орфографической. В бытность мою года полтора тому назад в Армении, я имел случай убедиться воочию, какое глубокое недовольство вызывает в некоторых именно просвещенных армянских кругах введенная у них при советской власти новая орфография, слабая попытка несколько приблизить пережиточное письмо к живой современной речи. В реформе армянской орфографии есть, действительно, некоторые недочеты, результат чрезмерной осторожности, так звук «у» оставлен непочато при прежнем начертании из двух букв ($ու$), вследствие чего по новой орфографии звук «ю» приходится изображать тремя буквами ($յու$), тогда как в прежнем алфавите для него существовало двубуквенное изображение ($իւ$), получившееся исторически ($իւ \rightarrow իւ = ю$). Между тем достаточно было для звука «у» взять одно цельное изображение, напр. латинскую букву v , конечно, с приспособлением к начертаниям армянского письма, как это делает И. А. Орбели в армянских диалектических текстах, именно в текстах мокского говора. В защиту произведенной

в Армении реформы М. Абегиан очень остроумно пользуется доводом «горе побежденным». Новая орфография шествует, оказывается, победоносно. Вот эти строки, поучительные для тех, которые боятся расстаться с традициями¹: «Нарком Просвещения соблаговолил (հաճեց) вопрос о реформе представить Совнаркому во всей его целостности, стоя на той точке зрения, что, если быть реформе, не надо довольствоваться незначительными изменениями. И я теперь вижу, что правда была на стороне Наркома Просвещения, так как не всегда бывает подходящее время для изменения орфографии, имеющей давность 1500 лет, а 1922 год был одним из таких редких моментов. Теперь, в течение полутора года, преодолены грамотными возбуждавшиеся затруднения, которые предусматривались. Надо надеяться, что через десять, пятнадцать лет «предубежденные традиционной орфографией» будут и за пределами Армении вынуждены постепенно уступать грядущему поколению, имеющему скоро явиться, которое никоим образом нельзя более понудить, чтобы оно тратило попусту время, взяв на себя ненужный и тщетный труд для изучения (прежнего) правописания». Конечно, за старым армянским правописанием едва ли кому удастся отстоять древность 1500 лет, большое и основательное сомнение, был ли тогда нам известный армянский алфавит, тем более армянский алфавит, уже восполненный огласовкой? Но мы здесь в научную сторону обоснования вопроса не входим, спор на месте ведется в плоскости традиционных представлений прошлого столетия о возникновении и развитии армянской письменности. Хорошо тут то, что считается желательным крушение орфографических традиций «полуторатысячных лет» перед, можно сказать, вчерашней реформой и предвкушается не только их ликвидация, но и торжество реформы по вопросу, «поставленному во всей его целостности», т. е., следовательно коренной реформы.

§ 7. Однако, правда ли это объективно коренная реформа или

¹ Աբեգիանի սրբագրության Ռեֆորմը. Պետական Հրատարակչության № 199, Երևան 1925, ժր. 6.

она кажется в среде, где она происходит, таковой по шуму, ею вызываемому в определенных кругах, вследствие отнюдь не ликвидированного настроения? Стоило ли производить такое волнение из-за таких пустяков? Дело вовсе не в том, чтобы звук «ю» по-армянски выражать тремя буквами вместо двух, как вводит реформа, или двумя буквами, как было раньше, да еще фонетически соответственно, и т. п. мелочах. Вероятно, все эти недочеты будут замечены и исправлены к взаимному удовольствию всех тех, кто теперь так жестоко спорят, но основной недочет так и останется: армянский народ так и останется не в мелочах, а по существу во власти средневековых культурных традиций, которым, может быть, не пятнадцативековой возраст, но всетаки достаточно почтенная древность, такая древность, какой не может похвалиться, если уже на то пошло, по выключении греков, ни один из современных европейских народов, не останавливаясь на том, к несчастью ли их и Европы или к счастью. Самый главный недостаток новой армянской реформы по алфавиту, это то, что она ничего не решает. Армянское общественное мнение она все равно не примириет полностью с собой, а дело само по существу временное, т. к. рано или поздно все равно надо переходить на радикально измененное письмо, на новый целиком алфавит, иначе армянскому народу придется отстать от общего течения мировой жизни и застрять в тупике национальной исключительности. Во всяком случае было бы противоестественно, если бы при постановке вопроса об алфавите в XX веке, да еще после происшедшей революции, мы стали подходить к вопросу с точки зрения пережиточных взглядов средневековой общественности соседних или дальних народов или от наследственной у них симпатии к этой идеологии, с научными приемами и мировоззрением XVIII-го или хотя бы первых трех четвертей XIX-го века.

§ 8. Не знаю, стоит ли упоминать про одно возражение против перехода на совершенно новый алфавит, — возражение, возникающее у кавказцев с древненациональной письменностью? Приходилось слышать: «как же тогда быть с потребностью

знать свою древнюю литературу, читать свои надписи» и пр. Однако, грузины без специальной подготовки и теперь не могут читать подлинного письма древних своих текстов, располагая в быту лишь военным письмом. Что же касается потребности в чтении древнелитературных памятников у армян, о ней и сейчас нельзя говорить серьезно, хотя письмо у них то же, что древнее, и мой опыт не в пользу того, чтобы армяне научно больше интересовались своими древними авторами, чем грузины. Интересовалось ими армянское монашество, духовенство и просвещенные в путях их мышления единицы миряне, а мы говорим о народе, о подлинных мирянах, о подходящих к просвещению массах и их интересах.

Впрочем у защитников неприкосновенности национальных алфавитов есть еще два довода против какого либо новшества в алфавите. Об одном из них обыкновенно не говорят вслух. Это то, что древний, столетиями развивавшийся алфавит, окружен ореолом национальной славы в глазах малопоświęщенных в сущность дела, и это импонирует не только данной нации, но и другим, такое письмо легко воспринимают сограждане хотя бы и особого племенного происхождения, из национальных меньшинств и даже соседящих народов, а это содействует империалистическому стремлению — расширяться и достигнуть своего национального величия на счет слабописьменных или младописьменных народов. Но это соображение достаточно отметить, едва ли оно способно нас разубедить в необходимости производства коренной реформы; наоборот.

Другой довод это боязнь утратить связь с частью своей нации, когда она отрезана от нее, и живет с ней в различных общественных условиях, так у армян. Но это внутреннее дело данной национальной культуры и жизненных мер к его разрешению. Письмо само по себе тут ни при чем, будет ли прежнее или новое. Ведь и сейчас, когда у армян одно и то же письмо, каждая из двух частей армянского народа, кавказской (коренной) и малоазийской (колонизальной), пользуется особым литературным языком и, если держаться последовательно взгляда о неприкосновенности письма

в указанных целях, то прежде всего надо восстановить единство литературного языка, вернуться к древнелитературному армянскому языку, но этот спор уже решен три четверти века тому назад в пользу самоопределения живой речи «восточных», т. е. кавказских, армян, от чего армянство не только не потеряло, но несомненно выиграло культурно, и в вопросе о письме даже с этой национальной точки зрения есть основание держаться другой линии, чем та, на которую вступило само армянство в вопросе о пережиточном и современном живом языке. Мы, пожалуй, рекомендовали бы нечто обратное — смелее и решительнее связаться по крайней мере в такой чисто технической части культуры, как письмо, с будущим. И чем малочисленнее народ, тем он больше нуждается в этой связи с будущим, которое иначе безжалостно задавит колесом своего неизбежного движения вперед в первую очередь их, эти народы, когда они также окажутся в тупике.

§ 9. Когда речь об абхазском алфавите, то национальная точка зрения здесь вовсе не может тормозить неизбежное прогрессивное дело за отсутствием как империалистических стремлений, так привязанности к наличному письму, отнюдь не большой древности, как к реликвии. Правда абхазы действительно отделены от многих своих братьев или братских народов, напр., убыхов, выселенных условиями жизни павшего режима с кавказской территории, но, если что способно содействовать сохранению этого эмигрантского, национального элемента, так это культурный подъем абхазского народа на родине.

Любопытно, что это более или менее сильно чувствуется в наиболее сознательных кругах как абхазского, так черкесского общества, более того в кругах, особенно чувствительных к недостатку культурных средств того или иного народа, так именно, напр. среди «черкесов»-эмигрантов, и вот почему за границей уже появился опыт использования латинских букв для «черкесского» письма, труд *Abitp-m'a* в серии Библиотеки школы северокавказского Общества (№ 7) в Стамбуле.

Тоже уже специально абхазское национальное задание имеет

целью и предлагаемая реформа письма, и затем культурное воссоединение с собой отрезанного ломтя, что за границей.

§ 10. Возражение против перехода на аналитический алфавит возникло одно, довольно веское, и у меня. Возражение состоит в том, что переход на новый алфавит диктуется в интересах облегчить общение и культурное объединение народов Кавказа. Какой же интерес абхазам переходить на латинский алфавит, если другие кавказские народы упираются и думать не хотят о каком либо новом алфавите? Во-первых, это не совсем так. Народы с древне-национальной письменностью, правда, могут волноваться не без основания от различных забот, но в том или ином разрешении этих забот перемена алфавита не может играть абсолютно никакой роли. Грузинам это хорошо известно по опыту, т. к. в свое время они отказались от одного алфавита, церковного, в пользу алфавита, связанного с бóльшей широтой культурных интересов, художественно-мирских, представлявших развитие языческих традиций и легко воспринимавших творческие элементы из художественно-литературных навыков как грузинской народной, так даже мусульманской и иностранной, особенно персидской литературы.

Грузинская нация от этого выиграла, конечно, прежде всего феодальная, но тогда, во-первых, Грузия была феодальная, и во-вторых, феодалы имели более либеральное или прогрессивное мировоззрение, стояли ближе к народной жизни чем духовенство. Тогда феодалы были единственное сословие, единственный класс, с достаточно крепкой организацией, чтобы сломить косность духовенства. Если ныне также имеются пережиточные защитники такого технического достижения, как выношенное феодалами грузинское военное письмо, когда жизнь выдвигает замену его более международным алфавитом, имеющим стать общечеловеческим, то едва ли в линии их взглядов мы можем подходить к поставленному вопросу, или мы, как ученые, или сам народ в сознательной его части, поскольку вопрос идет об укреплении национальной культуры данного народа выработкой одного общего со всеми кавказскими народами письма.

У армян вопрос о введении латинского письма уже возникал. У меня в руках один проект такого использования латинских букв, именно труд врача Гр. Арешяна на армянском языке — «Несколько слов о параллельном употреблении латинских букв (Մի քանի խոսք լատինական գրերի գրգհհաարար գործածւած ըջան մասին, Эривань 1924)» У автора особые (медицинские) доводы в пользу латинского письма. При книжке и образчик использования предлагаемого им алфавита.

В Азербайджане уже применяется латинский алфавит. В Чечне точно также. Идет переработка его и для черкесов. Вопрос аналогичный давно трактован у осетин.

§ 11. Однако, дело, казалось бы, шло главным образом об единой системе, чтобы не оказаться в положении европейцев, которые, от сохранения исторических пережитков языка в письме, располагают не одним алфавитом, а рядом алфавитов, звуковое значение отдельных букв которых совершенно особое почти у каждого народа, и у большинства из них, особенно народных масс чтение его и тогда, когда оно свое, напоминает скачки с головоломными препятствиями. Последовавшее затем реформаторство алфавитов на Кавказе создало в письме, уже латинском, больше межнациональных граней, чем те, что существовали при арабском письме. Это выходит шаг назад, оно, как мы разъяснили в предисловии, отрицательного значения для всякого поступательного движения вперед.

§ 12. Между тем Первый Учредительный Съезд Ассоциации всех краеведческих организаций северного Кавказа мне выявил как реальность, что северокавказские народы могут великолепно справиться и с более трудными вопросами общественно-научного порядка, если подходить к ним исключительно с точки зрения делового интереса данного предложения, и со временем, может быть, в не очень далеком будущем, такой вопрос, казалось, для всего Кавказа мог быть решен совершенно безболезненно в утвердительном смысле. Если же мы однако первый опыт начинаем с абхазского письма, есть на то совершенно уважительное осно-

вание, независимо от потребности и желания самих абхазов. Дело в том, что абхазский язык имеет почти восемь десятков (не менее 78) звуков. Алфавит, передающий все эти многочисленные фонемы, покрывает потребности громадного большинства даже яфетических языков Кавказа, так разнообразно богатых звуковым составом.

§ 13. Нам скажут: почему не только другие кавказские языки, но и некавказские не стремятся с такой легкостью к столь коренному преобразованию письма? Не стремятся прежде всего русские. Для этого имеются, конечно, основания, но, во-первых, нашего теоретического подхода к вопросу об абхазском алфавите они ни в малейшей мере не затрагивают; во-вторых, все-равно, рано или поздно, русскому народу придется сделать этот шаг. Причем однако многочисленный русский народ до сих пор не чувствовал своего одиночества в культуре, мало имея общественного массового трения с зарубежным миром или охотно подчиняясь и соглашаясь, как народ у себя несвободно мысливший, поработанный, писать на чужом языке европейском (чужом для него). По этому частью политическому, частью культурному раболепию оторванный от народа класс ученых охотно спешит писать на иностранном языке у себя. У себя же сам русский народ был спокоен за свое главенство. Кавказскому же языку, следовательно, и абхазскому, приходится чувствовать себя одиноким и у себя на Кавказе. Кавказ страдает от многоязычия, многоязычие — бедствие, заграждение на пути прогресса Кавказа. Надо использовать все меры для ослабления последствий этого бедствия. Единое письмо это шаг к поправлению змия-бедствия, многоязычия.

§ 14. Вопросы остаются следовательно научный и технический, но они органически связаны друг с другом в нашей транскрипции. Основное научное требование, преследуемое всеми научными алфавитами и транскрипциями, иметь для выражения каждого речевого звука или фонемы отдельное цельное условное начертание, а не раздельное двубуквенное или, тем более, трехбуквенное начертание. В лучших существующих поныне образцах

этих алфавитов кроме того эти условные начертания приноравливаются посылно к восприятию то звукового, то начертательного сродства данной буквы с одной из букв, наличных в исторически сложившихся алфавитах, общеизвестных в европейской среде.

Наша транскрипция более последовательна и идет дальше в целом планомерном отражении в буквах самой звуковой системы данного языка, построенной на закономерных соответствиях в фонетике различных сроднившихся племенных образований или в закономерных сменах звуков различных эпох. Буквы, будучи каждая гл афически точной передачею (хотя и условной) изображаемого ею звука, определяемого, как социальное явление, положением его среди других, все вместе дают наглядную картину звуковой системы не данного только, но всех яфетических языков, а так как яфетические языки — вскрываются в основе всех европейских или прилегающих к европейским групп или семей языков, семитических, турецких, угро-финских и протейдских (т. н. индоевропейских), у яфетического аналитического алфавита большие перспективы будущего развития.

§ 15. Алфавит построен технически на том начале, что обособляющая особенность яфетических языков, три степени озвонченности каждого сильного простого согласного изображены тремя независимыми друг от друга начертаниями, также простыми, т. е. не только без использования дополнительной буквы, но без всяких придаточных знаков ($p \rightarrow b \rightarrow \varphi$; $t \rightarrow d \rightarrow \mathfrak{d}$; $k \rightarrow g \rightarrow q$), это основные буквы алфавита из состава взрывных (сильных).

Простыми начертаниями изображены также простые — сibilанты (свистящие: $s \rightarrow z$, шипящие: $ш \rightarrow j$) и придыхательные (небные: $h \rightarrow \gamma$, гортанные: $\text{с} \rightarrow \text{у}$), все придувные (слабые).

Наши наименования звуков слабыми и сильными, разумеется, не физиологического, а общественного значения, поскольку слабые действительно легче и скорее подвергаются изменениям и даже исчезновению, чем сильные.

Поскольку в латинском алфавите мы не досчитываемся начертаний для третьей разновидности ни в зубных, ни в губных, мы

берем греческие буквы — θ и φ (а не транскрибируем парными буквами th и ph), потому же отсутствующие и в греческом, и в латинском шипящий восполняется русской или этрусской буквой ш, а гортанный — арабским ʕ.

Буква соответственно еще дополнительно осложняется, если изображаемый согласный звук осложнен губным согласным w, т. е. лабиализован, или язычным (лингвальным) полугласным у латинского письма (русск. й), т. е. лингваллизован (графически: иотирован).

§ 16. В общем аналитический алфавит, выработанный яфетическим языкознанием и в яфетидологических изысканиях неустранимый без ущерба для дела, своим построением нас приближает к системе цифр.

Как числа при цифровом изображении делятся на категории единиц, десятков, сотен и т. д., так яфетическое языкознание делит звуки, для удобства буквенного их изображения, на простые (единицы), составные из двух звуков (десятки), в буквах слитно-двузначные, составные из трех звуков (сотни) и т. п., в буквах слитно-трехзначные построения. Восприятия аффрикатов различных категорий как составных, а элементов, на которые они разлагаются, как простых, нисколько не нарушает тот факт, что составные звуки по своей доистории на самом деле не результат сложения простых звуков, до произношения которого человечество дошло постепенно соответственным развитием произносительных органов и, что они, составные звуки, именно и первичны, являясь не позднее возникшим комплексом элементов, а посильным для творчества совокупных усилий различных частей органов произношения, не функционировавших еще каждая самостоятельно с присущим ей простым звуком; это — членораздельные фонемы, по всетаки из порядка близких к нечленораздельности диффузных звуков, еще не вполне расчлененные фонемы. Отношение простых звуков к ним, как к составным, всетаки остается фактом, как в цифрах, отношение единиц к десяткам, сотням и т. д., хотя история числительных выясняет, что возник-

новение их вовсе не начиналось с единицы. Остается, следовательно, разложимость составных звуков на два звука, других более сложных звуков на три звука, т. е. остается тот факт, что в яфетических языках звуки делятся на звуки-единицы (простые), звуки-десятки (составные), звуки-сотни (более сложно составные).

Как в цифрах единиц меньше, всего на всего 1 — 9, так в аналитическом письме, составленном для абхазского языка, всего на всего шесть стержневых простых согласных ($t \sim k \rightarrow d \sim g \rightarrow \text{д} \sim \text{г}$), т. е. три зубных ($t \rightarrow d \rightarrow \text{д}$) и три заднеязычных ($k \rightarrow g \rightarrow \text{г}$), и как в цифрах нуль (0), прибавляясь к единице раз, дает десяток, двукратно присоединяясь — дает сотню, так слабые согласные ($s \rightarrow z \parallel \text{ш} \rightarrow \text{ж}$ и т. п., w, y), присоединяясь к простому стержневому согласному одиноко, дают звуки-десятки, присоединяясь парой ($s + w, z + w$ и т. п.), дают звуки-сотни.

Роль нуля в яфетических языках однако играет не один звук, да и не один ряд звуков, а четыре ряда согласных, слабых согласных, при простых зубных звуках — $s \rightarrow z \parallel \text{ш} \rightarrow \text{ж}$, при простых заднеязычных звуках — $h \rightarrow \gamma \sim \parallel \text{р} \rightarrow \text{у}$: парность каждого ряда зависит от того, звонкий ли стержневой согласный (d, g), тогда слабый согласный так же звонкий (z, γ) — $d + z \rightarrow \text{д} \parallel \text{д} + \text{ж} \rightarrow \text{дж}$, $g + \gamma \rightarrow \text{гг}$, или он глухой ($t, \text{д}, k, q$), тогда слабый согласный также глухой ($s \parallel \text{ш} \sim h \parallel \text{р}$) — $t + s \rightarrow \text{т}$, $t + \text{ш} \rightarrow \text{тш}$, $k + h \rightarrow \text{к}$, равно $\text{д} + s \rightarrow \text{д}$, $\text{д} + \text{ш} \rightarrow \text{д}$, $q + h \rightarrow \text{к}$, $q + \text{р} \rightarrow \text{к}$. Полугласные губной (w) и язычный (y) неизменны, безразлично и при звонком ($d + w \rightarrow \text{д} \parallel \text{г} + w \rightarrow \text{гг}$) и при глухих, гесп. глухом и среднем ($t + w \rightarrow \text{т}$, $k + w \rightarrow \text{к}$, $\text{д} + w \rightarrow \text{д}$, $q + w \rightarrow \text{к}$).

Таким образом вместо одного звука нулевого порядка в яфетическом языке наличны или некогда были девять ($z \rightarrow z \parallel \text{ш} \rightarrow \text{ж}$, $h \rightarrow \gamma \parallel \text{р}, w, y$). Простые согласные имеются и другие, именно губные, $v \parallel \text{м}$ и трехступенные по озвонченности $p \rightarrow b \rightarrow \text{ф}$, равно три плавных (n, l, r), но эти звуки не сохранились в яфетических языках в качестве аффрикатов, хотя пережитки таких аффрикатов губных мы, по всей видимости, имеем в греч. ψ

(ps, собственно один цельный звук, в яфетической транскрипции долженствующий предстать в виде p̄).

§ 17. Всех знаков в цифрах, разумеется, значительно меньше, чем в аналитическом алфавите, так как, во-первых, в цифрах выражаются лишь отвлеченные отношения, а в буквах имеем выражение не только соотношений, но и звуков, требующих особого подбора приспособленных к нему слабых согласных; во-вторых, самые простые согласные, служащие теперь или служившие стержневыми для образования аффрикатов, немногочисленны по существу, не больше единиц, именно 1. зубной ряд, 2. заднеязычный ряд, 3. губной ряд и 4. три плавных, но из первых трех имеют каждый ряд три ступени озвончения, всего следовательно 12 звуков.

Потому-то в цифрах всего только 10 знаков, из коих девять единиц (1 — 9) и один — нуль (0).

В аналитическом же алфавите по разнообразию слышимости многочисленны стержневые звуки-единицы, как служащие (всего 6: t → d → ɖ || k → g → q) для образования составных звуков аффрикатов, так утратившие эту возможность (их 8: v || m \ p → b → φ | n → l → r); многочисленны и семь слабых согласных (s → z || ш → j, ħ, y, w), которые впрочем лишь самостоятельно изображаются каждый особым знаком, но в слиянии с сильным простым представлены бывают всего на всего четырьмя знаками в 16 случаях, именно с зубными (переднеязычными) сибилантами глухие s || ш — точкой, свистящий s — сверху (˘, напр. t̄), шипящий ш снизу (˘, напр. t̄), z || j — углом, свистящий сверху (˘: d̄), шипящий снизу (˘: d̄), с заднеязычными спирантами глухие h || ɣ¹ — также точкой, небный h сверху (˘, напр. k̄), гортанный ɣ снизу (˘, напр. k̄), звонкие γ || y² — также углом, γ сверху (˘: ġ), y снизу (˘: ġ)³.

Таким образом во всем аналитическом абхазском алфавите, дающем выразить все 78 (при учете оттенков в гласных) фонем

¹ В абхазском самостоятельно ни h, ни ɣ нет.

² В абхазском самостоятельно γ также нет.

³ В абхазском звук ġ пока не наблюдается.

абхазской системы звуков, — в алфавите, следовательно, состоящем по существу из 78 букв — а) стержневых простых знаков — 14, из которых только начертания восьми сильных сонорных, губных $v \parallel m \searrow p \rightarrow b \rightarrow \phi$ и плавных $n \rightarrow l \rightarrow r$, изолированы, за отсутствием в абхазском составных звуков, аффрикатов губных и плавных, которые нуждались бы в выражении знаками, составными из перечисленных простых букв и того или иного слабого согласного (спиранта, сибиллянта, полугласного w или y). Потому-то эти восемь изолированных простых букв требуют каждая особого исключительно к себе внимания; б) простых слабых звуков, сибиллянтов ($s \rightarrow z \parallel ш \rightarrow j$), спирантов ($h \rightarrow \gamma \parallel \epsilon \rightarrow y$, в абхазском самостоятельно лишь y), полугласных (w рядом с y) самостоятельно в абхазском б, но в составе диффузных звуков все 9, однако для выражения их в тех случаях, когда они, эти слабые звуки, входят в состав сложных фонем многочисленных аффрикатов, лабиализованных и лингвализованных звуков, аналитический алфавит довольствуется четырьмя знаками (— точкой (\cdot), углом (\vee, \wedge), кружком (\circ) и зубчиком (\cdot)).

В итоге 78 абхазских фонем, выражаемых 78 буквами, имеют в том или ином плане одной общей системы всего на всего 24 различных знака — 1) 19 самостоятельных букв простых, 2) четыре придаточных знака.

§ 18. При этом алфавит удовлетворяет следующим требованиям, именно —

1) начертательно выражены все звуки в точности по одной и той же системе с использованием каждой придаточной черточки в порядке тождественного или генетически параллельного ее использования в других случаях,

2) никакой простой звук не представлен описательно двумя буквами или в осложненном начертании с каким либо добавочным знаком, как в цифрах мы единиц не изображаем никогда двумя знаками.

3) наоборот, никакой сложный звук не изображен простой буквой, без соответственного по системе придаточного знака

одного или двух, как в наших цифрах не изображаем мы десятка, тем более сотни одним знаком.

§ 19. Само собою понятно, аналитический алфавит будет уточняться и совершенствоваться (а вместе с тем и упрощаться), по мере все более и более успешного разложения многочисленных фонем на основные элементы. Отсутствие у алфавита в этом отношении стабильности гарантия прочности его системы. Не в будущем только, но и сейчас, при привлечении массово заинтересованных читателей, ожидается большая правильность разложения абхазских, да и иных яфетических составных звуков на элементы. Отстаивается не безукоризненность аналитического алфавита, как он сложен конкретно в данный момент, а системы. Отстаивается не абсолютное совершенство самого алфавита, а относительное, которое однако имеет возможности расти с ростом той общей науки о человеческой речи, основы которой закладываются новым учением, яфетическим языкознанием.

§ 20. Мы вполне понимаем, что для индоевропейцев и мыслящих в их путях языковедов аналитический алфавит мало, (да и неверно) сказать — неизвестен, он непереварим: он требует перестройки их научного языковедного мышления, он требует усвоения теории, яфетической теории, находящейся в полном противоречии с их основными научными положениями, с их техникой. Становясь технически народным, в данном случае абхазским, и получив дальнейшее практическое применение, новый алфавит, аналитический, будет иметь значение цифр, что и сделает его и как азбуку для народа и как транскрипцию для ученых одинаково всем понятным. Станет ли он однако общекавказским? Станет ли он общенаучным? Не наше дело заниматься пророчеством. Но наше дело без всякого колебания отвечать отрицательно с мотивировкой в пределах нашего понимания вещей: не станет он общекавказским, поскольку на Кавказе не будет изжито средневековое националистическое мышление, наследие в одной части христианской, в другой части мусульманской религиозной культуры, не станет он общенаучным, поскольку наука

будет особо, а слова-вещи, предметы-вещи особо, ученые особо и народы, их языки, массовые народные языки особо. Но наше дело также твердить и разъяснять то, что в итоге конкретных работ нам ясно, а именно: раз усвоив аналитическое письмо при данном нами обосновании и раскрываемом его смысле, технически овладевшие им не могут не почувствовать допотопности и чудовищности всякого иного алфавита так же, как если бы кто в счете предложил при обозначении чисел пользоваться не десятью знаками, нулем и девятью единицами, а стольким количеством ничего общего между собой неимеющих особых знаков, сколько вообще чисел. Человечество давно отошло от пиктографического «алфавита», изображений целых предметов, и от клинописных знаков, выражающих те же предметы уже в звуковых слогах, некогда названиях тех же целых предметов, и в их условных опять таки цельных изображениях (идеограмах), и шагнуло в сторону разложения этих комплексов на элементы, отдельные самостоятельно выделяемые звуки речи, не для того, конечно, чтобы замереть на успешней так же сосужить свою службу старой системе фонетического письма, системе национальной исключительности, богато представленной в многочисленных разновидностях. Жизнь требует общности и технического упрощения системы. Упрощение намечается самой историей развития в путях дальнейшего разложения звуков и возможно большей механизации приемов усвоения букв с приближением к простоте цифровых изображений чисел. Аналитический алфавит, возникший в процессе развития яфетического языкознания, в путях непосредственного общения с массовой народной речью в массах же, представляет построение этого порядка, и хотя отнюдь не притязает на полное достижение простоты цифр, но им сделан наибольший ход в направлении к ней, как то можно видеть в прилагаемых ниже трех лекциях, где строй яфетидологического аналитического письма детально разъясняется, на составе звуков фонетически богатого абхазского языка, сравнительно с системой цифровых изображений чисел.

*

Естественно, такой алфавит недостаточно изготовить и механически пустить в дело. Надо одновременно с ним дать ход теоретическому пониманию абхазского языка и раскрывать разумность предлагаемого алфавита, надо через учительство провести в массы понимание природы и строя абхазского языка, грамматическое, живое так называемое собственно биологическое и социологические понимание самой речи, а не анализ одних букв и системы их начертания. Ясное дело, что такое научно-просветительное предприятие в культурно-отсталой стране не может быть осуществлено без руководящей организации. Сил для такой организации не могут дать центры с академической постановкой научного дела, при которой наука сама по себе, а живые народные языки сами по себе. Руководящая организация должна быть создана из самих сознательных абхазов, знатоков и ценителей своей национальной речи. В сентябре 1925-го года было выработкой устава положено начало созданию такой организации в Сухуме под названием Академии абхазского языка и литературы, но дальнейшая ее судьба мне, к сожалению, неизвестна.

Чтобы усвоить аналитический алфавит абхазского языка, грамотному, тем более учителю и вообще просвещенцу, имеющему книжное образование общественному деятелю, с избытком достаточно прослушать три двухчасовые лекции. Я это испытал в сентябрьские дни истекшего года, когда по просьбе моих друзей абхазов вынужден был в две лекции вогнать изложение этого именно предмета. Материал тот же, использованный на названных лекциях, но с некоторым дополнением, и я распределяю его на три лекции, в полной уверенности, что педагоги, слушавшие меня, и вообще абхазы с той же подготовкой, в значительно более доступной форме передадут мои разъяснения менее подготовленным массовым слушателям, учащиеся ли они или взрослые, стремящиеся к просвещению.

Первая
лекция.

§ 21. Гласные. В абхазском восемь гласных, шесть полных или простых, два полугласных:

а) Простые:

а е і (русск. «и») о и (русск. «у») ә (v в прежнем абх. письме) 6

б) Полугласные (они же сонорные согласные):

— у	— w	— 2
язычный	губной	
(среднеязычн.)	(губно-зубн.)	8

§ 22. Гласные в абхазском в неударном слогe все («всѣ») краткой моры, точно полугласные. С другой стороны надо различать существование в абхазском двугласных и долгих гласных. Принято долготу изображать всегда двумя гласными, напр. аа, но в тех случаях, когда ударение падает на второй из двух гласных, то это действительно два гласных, читать их приходится прерывисто и аа будет слышен как а̇а : б̇а̇к 'один замо́к', когда же ударение падает на первый из двух гласных или ни на один из них, то это долгий гласный, т. е. аа, равно без всякого ударения аа будет слышен как а̄, в первом случае с ударением а̇. В обиходном письме абхазы могут обходиться без особого гласного с долготой, но в научной передаче абхазских диалектических текстов не всегда долготу есть основание передать повторением гласного, напр. yubòt, диалектическую форму в значении 'ты видишь его || ee (неразумн. предмет)' нельзя написать yuboot, так как здесь форма с долгим о (ō) восходит к yubòyt.

а) Примеры по гласным:

а	е	і	о	и	ә
ab	à-еш	a-ìwa	a-osðà	ùga	эшðà
'отец'	'ящерица'	'образчик'	(a-wusðà)	'необ'езж.	'теперь'
			'мастер'	лошадь'	
an	Igrè	a-ìka		a-ùðga по-	à-gələga
'мать'	'Ингур'	'гребень'		сев молод-	'стоять'
				няка, огород	
al	'ольха'	a-ìgq			a-шшən
a-dà	'жила'	'мука'		ubgì	'тот' 'море'
a-kàba	'верхнее платье'				
à-bga	'шакал'				

б) Примеры по полугласным (слабым согласным: сонорным, средне-язычному и губнозубному):

у	w
wağà 'он'	wağà 'ты' (м. р.)
	à-wa 'сородич'
Уак,àb 'Иаков'	a-wàpa 'бурка'
	a-wàçs 'ос' («осетин»)
	a-wardèn 'арба'

§ 23. Согласные.

Простые.

I. Сильные (взрывные или смычные)

II. Слабые (придужные и сонорные)

Губные

p = п b = б φ = ц

↘ m = м v = в f = ф 3 + 3 = 6

Зубные

t = т d = д θ = ц

↘ сибил.: свист. s = с z = з } 3 + 4 = 7
|| шип. ш j = ж

Заднеязычные

k = к g = г q = к.

↘ спир. [h] [|| ç] y = й 3 + 1 = 4
Плавн n = н. (носов.) l = л r = р 3

20

Сибиланты, казалось, вполне и даже богато сохранившиеся в абхазском, в части шипящих требуют оговорки, так как каждый из них (и ш и j) имеет двойное произношение: один из них, несомненно, придужной, другой почти смычный.

Из спирантных, самостоятельно не появляющихся в абхазском, звук ç налицен у соседящего с юга с абхазами народа — мегрелов (β), так то он известен обычно из семитических языков (евр. ס, арб. ف и т. д.), но больше по традиции и является предметом исследования, смычный он или придужной. Во всяком случае надобности устранять его из спирантных да слабых нет основания.

В абхазском имеются другие слабые согласные, но уже со-

ставные, вернее — диффузные или менее расчлененные, в числе их особого внимания требует спирант гортанный *h*, не столь резкий, как в других яфетических языках, располагающих им, но ни в каком случае не отождествимый с простым спирантом *h* (небным), он также почти смычный.

О диалектическом *y* здесь не место говорить: в общий алфавит он не попадает.

§ 24. Очередь за простыми или стержневыми согласными.

а) Примеры по губным звукам.

1) взрывным

p	b	φ
a-rà тонкий	a-barbàl 'колесо'	a-φà 'сын'
à-ratu 'честь'	a-bzà 'живой'	a-φàn 'брод'
a-rəgrəl 'перец'	à-bna 'лес'	a-φàga 'деньги'

2) сонорным

m	v	f
a-magàna 'серп'	à-vaqa 'ребро'	à-faga 'кушать'
a-maana (= amānà) 'хитрость'	a-vaṇḏza 'селенка'	a-fə 'Афы', божество грома
à-maa (à-mā ← -mar) 'ручка' (сосуда)		fba 'б'
à-maḏ 'змея'		
à-mla 'голод'		

б) Примеры по сонорным носовому и плавным звукам:

n	l	r
a-nāga 'уклон' 'склон'	a-là 'собака'	ar войско [форма единич. rkè!]
a-parə 'рука'	à-la } 'глаз'	a-rà 'орех'
	à-bla }	à-gas 'папоротник'
a-nəga подвойник	a-labà 'палка'	
	à-lasha 'мерин'	
	a-ləm 'лев'	

в) Примеры по зубным звукам взрывным:

t	d	ð	
à-tata 'хороший' (дет.)	dad 'дедушка'	à-ðara 'давать'	
a-tàta 'мягкий'	a-d'ə'də 'гром'	a-ðəðəp 'табак'	
a-tə 'Филин'	a-dərdə 'веретено'	à-ðanaφ	} абхазский праздник
	a-damrə 'могила'	→ à-ðnaφ	
	dàra 'очень'		
	a-dunəy 'мир'		

е) Примеры по заднеязычным звукам взрывным:

k	g	q
a-kə 'один'	à-ga 'берег' (морской)	a-qià 'праведный'
a-kəka 'сосец'	à-gaga 'тень'	a-qəða 'селение'
a-kəl 'сноп'	a-gàn 'ширина'	a-qdè 'бревно'
	a-gàr 'колыбель'	

д) Примеры по слабым согласным придувным:

1) сибилантным

s	z	ш	j
sa 'я'	à-zna 'полный'	a-šà 'веревка'	à-ja 'осина'
à-sas 'гость'	zakà 'сколько'		à-j-га 'копанье', 'канава'
a-sāàn 'тарелка'	a-zarzà 'крючек'		àjs 'дикая малина'
a-sàba 'пыль'			
à-sakasa 'носилки'			
a-sarəp 'мыло'			

• 2) спирантным.

Простые спиранты, если исключить полугласный у, в абхазском не сохранились, ни придувной h и ни взрывной ɸ (см. выше, § 33).

§ 25. С двадцатью разьясненными буквами аналитического алфавита абхазского языка мы закрываем тот круг фонем,

именно фонем единиц, которыми исчерпывается почти полностью вся звуковая система именно яфетического языка, так, напр., баскского, где из заднеязычных аффрикатов, фонем в начертаниях порядка десятков нет ни одного, настолько прометеидизация («индоевропеизация») яфетической речи произвела свое нивелирующее воздействие. В баскском правда сохранились переднеязычные аффрикаты \dot{d} = tz (ц), реже \dot{d} = tch (ч) и \dot{t} , также фонемы-десятки, и диалектически не расчлененный или диффузный слабый звук \dot{h} . Но мы имеем в ряде прометеидских («чистых индоевропейских») языков гораздо больше переживаний до-исторических языков, т. е. фонем-десятков или диффузных фонем. В общем однако разъясненная часть абхазского алфавита, состоящая из фонем-единиц, вполне покрывает потребности любого прометеидского («индоевропейского»), вернее и точнее европейского прометеидского языка.

§ 26. Фонемы-десятки, т. е. по выражающим их слитно-двузначным буквам соответствующие десяткам в цифрах, всегда также двузначным, в абхазском языке бывают звуки, составные из простых фонем-единиц зубных (t, d, \dot{d}), равно задне-язычных (k, g, q) и из или А) сибилантов (s, z, ш, ж) и спирантов (h, γ, ϕ, y), из коих в абхазском сохранился самостоятельно, как уже было сказано, лишь спирант y (среднеязычный сонорный согласный, слабый), вос-принимаемый и как полугласный, или Б) полугласных w и u, последний, следовательно, в таких случаях не в спирантном восприятии. А) Аффрикаты сибилантные и спирантные —

Вторая
лекция.

а) Примеры по переднеязычным аффрикатам.

1) свистящего ряда

i	đ	š
à-ta 'дно'	a-đara 'талья'	à-š 'зуб'
a-tàs 'обычай'	a-đə 'вода'	a-šà 'горячий'
a-tèu 'наследник'	a-đbà 'жажда'	a-šà 'амбар'
		a-šš 'мошкара'

2) шипящего ряда

ṭ	ḍ	ʃ
à-tkəp 'мальчик'	a-ḍ 'дуб'	a-ʃà 'хлеб'
maṭ 'немного'		à-mʃ 'сила'

Аффрикаты шипящего порядка требуют той существенной оговорки, что шипящие звуки имеют двойное произношение, одно мягкое, другое почти смычное, и последнее, когда речь шла о глухом шипящем (ш), изображалось подписанной черточкой (ш̣), посему составные с ним аффрикаты с дебелым произношением помимо знака шипящего, точки под буквой, снабжены и черточкой: ʃ̣ — a-ʃ̣à 'лошадь', ṭ — a-mṭə 'дрова'.

Однако в самостоятельном использовании этого дебелого ш̣ для упрощения я стал опускать подписную черточку, это можно было делать тем легче, что ш̣ со смягченным произношением изображался с зубчиком в виде ш̣¹.

Такая же несогласованность в изображении звонкого аффриката ḍ (а не ḍ), если j̣ признавать звуком с дебелым произношением, т. е. считать его за j̣, и составной с ним аффрикат изображать без подписной черточки ḍ, а не ḍ. Но в виду того, что этот звонкий аффрикат шипящего порядка при смягченном произношении имел особое начертание ḍ (a-ḍ 'дуб', a-ḍṛà 'жарить'), то для того же аффриката с дебелым произношением казалось достаточным пользоваться начертанием без подписной черточки, т. е. ḍ, а не ḍ в словах: a-ḍəg 'сталь', a-ḍəš 'чеснок'.

Всилу изложенного, связанный сам в начатых печатанием работах указанной несогласованностью, я могу лишь предложить другим на выбор для изображения тех же обсужденных букв более последовательное их начертание в виде

ṭ	ʃ̣	ш (= ш̣)	ṭ	ʃ̣	ш̣
ḍ	j̣	j̣ (= j̣)	ḍ	j̣	j̣

¹ В этом смысле появление ш̣ без всякого знака в III-й таблице (1. согласные) брошюры о записывании абхазских текстов (Пособия для работ по яфетическому языкознанию. I, 1918, стр. 9) есть недосмотр, как и связанное с этим одиночество ш̣ в той таблице (2. согласно-гласные).

При этой системе для $\underset{\cdot}{d}$ мы получим пример в $a-\underset{\cdot}{d}$ 'дуб',
а для $\underset{\cdot}{d}$ — в $a-\underset{\cdot}{d}eg$ 'сталь', $a-\underset{\cdot}{d}esh$ 'чеснок'.

б) Примеры по заднеязычным аффрикатам:

$a-kama$ 'кинжал'	$a-g\grave{a}$ 'враг'	$\grave{a}-qa$ 'тычинка (с ветв.)'
$a-kam\grave{a}$ 'хмель'	$\grave{a}-g\grave{b}a$ 'судно'	$a-q\grave{a}$ 'шерстяная или
$a-k\grave{a}z$ 'гусь'	(ныне 'паро-	льняная нить'
$a-klan$ 'забор'	ход')	$\grave{a}-q\grave{a}$ 'скала'
		$\grave{a}q\grave{sh}$ 'молоко'.

§ 27. С девятью разъясненными буквами аналитического ал-
фавита абхазского языка мы закрываем тот круг фонем, именно
фонем-десятков, за которым с придачею двадцати фонем-единиц,
в целом 29, не выходит почти вовсе весь звуковой состав такого
вполне типичного яфетического языка, как грузинский и бли-
жайше родственные с ним языки, мегрельский и чанский, языки
сибилянтной ветви, равно сванский. В этот круг свободно уместяется
также фонетический состав такого переходного языкового типа от
яфетического к протееидизму («индоевропеизму»), как армянский.

§ 28. Прилагаемая таблица дает картину соотношения про-
стых звуков с разъясненными девятью составными фонемами
порядка десятков в цифрах.

Табл. I.

	Смычные простые				
	t	k	d	g	ǵ q
Сибиллянты	Составные (смычные)				Спиранты
· = s	t	k			[h =] ·
˘ = z			d	g	[γ =] ˘
ˉ = ш	t	[k]			[ʃ =] ˉ
˘ = j			d		y = ˘

$\underset{\cdot}{d}$ вм. $\underset{\cdot}{d}$ см. § 26, а, 2.

Составные с полугласными w и у это лабиализованные (слитные с губным w или нерасчлененные с ним) и лингвализованные (слитные с язычным у или нерасчлененные с ним) согласные относятся к особенностям, выделяющим абхазский язык вместе с весьма немногими сородичами в отдельную группу с более тесным родством.

§ 29. Эти фонемы также требуют начертаний того же порядка, что в цифрах десятки, двузначные числа, единицы с одним нулем или его заместителем, в буквах это простые звуки как взрывные (сильные), так придумные (слабые):

А) В одних случаях с сонорным губным (губно-зубным) согласным w (полугласным):

а) Из взрывных (сильных) согласных:

1) зубные t → t̥ → t̥ʰ

sfowp 'сизжу'	a-t̥ə 'поле'	a-t̥ʰ-à 'сено'
a-t̥ə 'собственность', 'раб'	a-t̥ʰ-bga 'лисица'	ɪt̥ʰə 'напол- няй'
à-mif 'чудо'		

2) гортанные — k_c → g → q_c

a-k _c à 'говядина'	a-gə 'сердце'	a-q _c à 'дождь'
a-k _c tə 'курица'	a-gaʔqatə 'любовь'	à-q _c ab 'котел'

б) Из придумных (слабых) согласных шипящие ш (=ш) и j (=j) входят в состав таких огубленных придумных, как шʰ → ʃʰ
a-шʰ 'дверь' a-ʃʰ 'старый'.

Б) В других случаях с сонорным язычным (среднеязычным) согласным (полугласным) дело обстоит двояко —

а) из взрывных согласных:

1) взрывные или смычные этого порядка с простыми зубными t, d, ʒ самостоятельно мною порой как будто улавливались, но вопрос остается открытым. Они бесспорны в аффрикатах (§ 33,б).

2) заднеязычные — k_z → g_z → q_z:

a-қàʔa 'курдюк'	a-gàt 'вкус'	a-қqàn 'лавка'
-----------------	--------------	----------------

б) Из придумных и свистящие и шипящие образуют эти составные с язычным придумным звуки — $\xi \rightarrow \zeta$ и $\psi \rightarrow \jmath$, но свистящие ξ и ζ только по произношению бзыбского наречия, почему из обиходного алфавита общенародного исключаются, они отмечаются здесь лишь в целях использования в научных записях памятников народной словесности:

а- $\xi\grave{a}$ (бзыб.) 'снег' в. обиходн. а- $s\grave{a}$
 и ζ (бзыб.) 'так' » » и s
 а- $\zeta\grave{a}$ (бзыб.) 'чистый' (о воде) в. обиходн. а- $z\grave{a}$
 а- $\psi\grave{a}$ 'кровь'
 а- $\jmath\grave{a}$ 'заяц'

в) Особняком стоит слитное как одного цельного звука произношение $w + u$, изображаемое двузначным ψ . При этом цельном произношении горло принимает значительное участие в производстве этого составного или нерасчлененного (диффузного) звука, точно слышится и горланный спирант φ : $\grave{a}-\psi$ 'моль', а- $\psi\grave{e}$ вино, $\grave{a}-\psi\grave{w}\grave{a}$ 'дорога'.

§ 30. Сибилянтные и спирантные у абхазского общи со многими яфетическими языками. Как в них, эти аффрикаты и в абхазском часто представлены с утратой той или иной их отличающей характеристики, сибилянта (s, z, ψ, \jmath) или спиранта ($*h, *g, *r, y$), т. е. аффрикаты ($t, \check{d}, \check{z}, \check{t}, \check{d}, \check{z}, k, \check{g}, \check{q}$ и т. п.) оказываются дессибилонными (t, d, \check{d}) или дезаспированными (k, g, q), и тогда аналитическая транскрипция сохраняет совершенно основательно стержневую часть буквы, с точностью передающую сохранившийся пережиточно звук, так —

а) $\grave{d}\grave{a}r$ -а 'сильно', 'очень' $\leftarrow *d\grave{a}r$ || г. $\check{d}\grave{a}l$ - 'сила'. Сюда же относится абх. $\check{d}\grave{a}$, усилительная частица, напр. $e\check{u}\check{t}\grave{a}b\text{-}\check{d}\grave{a}$ 'самый младший' 'моложе всех'.

б) а- $\check{d}\grave{a}$ 'жила' $\leftarrow *d\grave{a}r$, что см. в составе скрещенного дву-племенного слова грузинского языка, именно $\check{d}\grave{a}r\text{-}\check{g}\check{u}$ (новогруз. $\check{d}\grave{a}r\check{g}\check{v}$ -) 'жила'.

Как обычно, 'сила' восходит к представлению, впоследствии

понятию 'рука', и *dal* (равно его разновидность *dar* → **dar*) есть то слово с первичным и в грузинском значении 'рука', от которого в грузинском произведен глагол *dl + v* (*dleva*) 'вручить', 'давать', и его же спирантный двойник на нисшей ступени *hal*, в большинстве с утраченным спирантом, наличен в значении то 'руки' (→ 'бока' || 'стороны'), то 'силы', равно в значении производных от них глаголов 'давать', 'брать', 'мочь' и т. п. и в таких яфетических языках, как баскский (*al-bo* 'бок', 'сторона', *al-de* 'сторона', *al*, равно *a-hal* 'мощь', 'мочь') и чувашский (*al-ə* 'рука', *al-za* 'рукавицы', *qal* 'сила', 'здоровье', см. ниже), равна в турецких, здесь и с аканием (*el*, *resp.* *äl* 'рука', *äl-bi* 'сила', отсюда 'сила', которая действует в лекарстве, в молитве, но в турецких слово в значении 'руки' было и с аканием (*hal* → *al*, ср. *al + a-kan* 'ладонь' в ряде тур. наречий и в монг.), ибо по закону доисторической семантики от него глагол 'брать' — тур. *al-mak* и т. д., тоже слово имеем в тур. *al* 'уловка', 'хитрость', 'обман', сюда же, конечно, относится *äl* 'сила', *resp.* *qal* ← *kal* в различных турецких наречиях, ср. и чув.; это вовсе не араб. заимствование.

в) Такое же явление мы наблюдаем в ряде случаев с *ḡ*, пережитком *ḡ*, как, напр. в форме мн. числа *at-ḡ*, *ubat-ḡ* 'оли', где *ḡ* восходит к *ḡ*, показателю множественности в армянском, да и в самом абхазском (ср. в абхазском и -*ḡa*, окончание мн. числа из -**ḡo*). Таков же *ḡ* в м. *ḡ* (-*r* || *I*) в *a-maḡ* 'змея', где *maḡ*, *resp.* **maḡ*, есть эквивалент пр. *mār* 'змея' и основы *mel* имени армянского эпического героя *Mel-te* из «скифского» или вернее «кимерского» сказания, двойника имени также народного героя Щена, как нарицательное слово имевшего тоже значение 'змея'¹.

§ 31. С этой дессибилацией в неразрывной связи находится сведение группы сибиланта с заднеязычным (*zḡ* → *zg*, *sq* → *sq* и т. п.) к одному заднеязычному (*ḡ*, *resp.* *g*, *q*, *resp.* *q* и т. п.): сибилант (*s*, *z*) спирантизуется в исчезающий спирант, в абхазском самостоятельно вовсе и не сохранившийся (*h*, *γ*). Так —

¹ Н. Марр, Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси (ИРАИМК, III), стр. 272 сл., 275.

1. qə ← *hqu ~ *squ- в a-qə + da 'селение', собств. sku-da
 '[скифское] селение'

2. qə ← *hqu ~ *squ / ḡqu- : a-qə 'голова'

Сибилантный двойник ḡqu, с десибилляцией ḡqu, сохранился в скрещенном двуплеменном слове ḡqu-m || ḡqw-m (← *ḡqu-mar || *ḡqu-mar) у сванов в том же значении 'голова'. Сюда же примыкает груз. др.-л. ḡqem 'лобное место'. Сюда же относится черк. sha, resp. she 'для', семантически восходящее к 'голове' (ср. в грузинском ḡw-s, ныне ḡv-is, Н. Марр, Грам. др.-л. груз. языка, § 114).

3. qə ← *hqu ~ *squ / ḡqu : a-qə 'пуля'

ḡqu ← ḡqw в значении 'пули' сохранилось у сванов. Здесь не касаюсь вопроса о перемещении значения слова у сванов со 'стрелы' на 'пулю', ни других разновидностей термина, о чем частично см. Н. Марр, Термин «скио» (ЯС, I, стр. 132), где впрочем еще формально-сравнительная трактовка вопроса.

4. qə ← *hqu ~ *squ ← sko (↔ -sku ~ -ski) ← skol- : a-qə 'золото', арм. o-ski (~*o-sku, resp. o-skw-) 'золото' (Н. Марр, Термин «скио», ц. м., стр. 126 сл.). Русское слово 'золото', которое вм. с нем. gold, как известно, восходит и к архетипу *skol + o-toⁿ, представляет уже скрещенное двуплеменное слово, как его спирантный двойник чув. yl-tən (↔ *ɸol-ton ↔ *ɸul-ton), в турецком с аканием в первой части: al-tyñ, resp. al-ḡñ.

5. ga ← *ɣga ~ *zga / ḡga (← ḡgal) : a-gà 'берег'.

Сибилантный вид непочато, а во мн. числе и с восстановлением l (ḡgal-) налицо в языке соседящих с абхазами мегрелов, где ḡga (мн. ч. ḡgal-ef-1) значит 'берег', 'край'; об его эквивалентах шумерском zag и армянском tag см. Н. Марр, Заметки по яфетическим клинописям (ИРАИМК, III, стр. 298).

§ 32. При таких раньше не учитывавшихся звуковых явлениях и морфологии слов неудивительно, что не только европейцы терялись (они впрочем по лингвистическим вопросам Кавказа, как и Пиренеев до сих пор не могут найти себя), даже Услар готов был от неразъясненного абхазского a-gà 'берег' разъяснить

происхождение греческого (?!) названия Ахаи́и для части кавказского берега Черного моря» (Услар, Абхазский яз., s. v.), но мы, сами кавказцы, точно чужаки, не можем постичь или не хотим постичь, как близко друг к другу, как неразрывно сплетены на Кавказе друг с другом южные яфетические языки с северными, даже грузинский с абхазским. И все таки факт, что абхазский язык не любит стечения двух коренных согласных, как то наблюдается в грузинском, сохранив однако в обилии до-исторический тип слитно-составных, собственно неразчлененных или диффузных звуков.

Третья
ленция.

§ 33. Очередь теперь за фонемами-сотнями, т. е. за трехсоставными звуками, следовательно трехзначными буквами, когда один стержень-(единица) с двумя знаками-(нулями), в порядке сотен в цифрах.

К таким относятся уже разъясненные составные с шипящими ш (мы пишем самостоятельно ш) и л (мы пишем самостоятельно л) и переднеязычные аффрикаты т, д (у нас д вм. д̣ см. § 26, а, 2), ф.

Из заднеязычных аффрикатов этого порядка имеется лишь один звук қ, представляющий составную фонему из қ и спиранта h: а-қə 'голова'. Для согласования как будто желательно в соответствии с ф этот заднеязычный аффрикат изображать не қ, а қ̣.

Но масса трехзначных букв это лабиализованные и лингвализованные звуки, именно из придумных спирант h и шипящие, последние одновременно и лабиализованные и лингвализованные (h, п̣ и →р̣), но такие шипящие исключительно в бзыбском наречии (следовательно, изъемяются из общепародного или литературного абхазского алфавита) и переднеязычные и заднеязычные аффрикаты, следовательно, двузначные буквы (т, д̣, ф̣, д, к, г̣, қ), то лабиализованные (т̣, д̣̣, ф̣̣, к̣, г̣̣, қ̣̣), то лингвализованные (т̣̣, д̣̣̣, ф̣̣̣, д̣̣̣̣, к̣̣̣̣, г̣̣̣̣, қ̣̣̣̣), из последних переднеязычные свистящего ряда (т̣̣̣̣, д̣̣̣̣̣̣, ф̣̣̣̣̣̣) лишь по бзыбскому наречию (следовательно, из общепародного или литературного абхазского языка также изъемяются).

а) Лабиализованные шипящие собственно все могли бы оказаться трехзначными, так как пф и р (§ 29, А, б) представляют слияние полугласных w и y с тем видом дебелого, почти смычного ш , который следовало изображать в виде щ и л (см. § 26, а, 2). Общепризнанным является и спирантный трехсоставной звук, представляемый трехзначной буквой һ : а-һа 'меч', а-һәһ 'голубь', а-һә 'свинья', а-һәс 'теленок'.

Что же касается сохраняемых лишь для научной транскрипции трехзначных букв пф и р , необходимых исключительно для записей текстов бзыбского наречия, то они иллюстрируются такими случаями, как — апф 'бук', ар 'корова'.

б) Лингвализованные аффрикаты:

Переднеязычные			Заднеязычные		
(только в бзыбском наречии)					
т	д	џ	к	г	қ
еуџба	а-д	ә-џа	а-қәра	әуғта	а-қә
'младший'	'блоха'	'черешня'	'курдюк'	'превосход-	'золото'
		а-һәһ		ство'	а-қд
		'хворост'			'имя'.
		а-џагә			
		'идти'			

§ 34. В сумме все абхазские буквы в порядке педагогической целесообразности, от простого к сложному, в порядке следования от букв-единиц к буквам-десяткам и к буквам-сотням с выделением изъемаемых из обиходного алфавита бзыбских согласных представляют следующие группы:

а) гласные: а, е, и, о, у, ә, полугласн.: у, w. 8

Согласные.

б) Группа 1-я. Простые согласные (буквы единицы):

f, v, m, s, z, ш, j, p, b, ф, t, d, ә,
k, g, q, n, l, r (об у и w см. гласные). 19

27

в) Группа 2-я. Составные согласные, двузначные (буквы десятки):

ṭ, ḏ, ḥ, ṭ, ḏ, ḥ, k, ḡ, ḑ, ṭ, ḏ, ḥ, k, ḡ, ḑ, ḡ, ḑ, ш, ж, (бзыб. еще: ḡ, ḑ), ш, 23
л, (о ш и л см. § 26,а,2), һ. (с бзыб. 25)

50

(с бзыбскими 52)

г) Группа 3-ья. Составные согласные, трехзначные (буквы-сотни):

ṭ, ḏ (= ḏ, см. § 33), ḥ, (бзыб. еще: ṭ, ḏ, ḥ, ḏ),
k, ḡ, ḑ, ṭ, ḏ, ḥ, k, ḡ, ḑ, (бзыб. еще ш, ж),
һ, ш.

(с бзыб. 20) 13

63

(с бзыбскими 72)

д) Группа 4-я. Четырехзначные составные согласные (буквы-тысячи), казалось сводятся к одному ḑ, но если бы доводить последовательность до конца, не избегать в самом абхазском излишнего осложнения начертаний, ṭ, ḏ и ḥ следовало бы из III-й группы перенести сюда, так как точное их начертание по системе: ṭ, ḏ, ḥ. Обходясь упрощенным начертанием этих трех букв по III-й группе (ṭ, ḏ, ḥ) без ущерба в самом абхазском, мы остаемся лишь при одной четырехзначной букве ḑ (или ḑ, см. § 33).

1

Всего 64

(с бзыб. 73)

§ 35. В порядке же общепринятой последовательности латинского алфавита, с учетом греческого и с продвижением к началу лишь гласных, абхазская азбука может быть представлена в следующих двух таблицах, одной печатными, другой рукописными буквами.

Табл. II.

Абхазский аналитический алфавит.

Печатный.

а е і о u ə y w t f i [ṭ] ṭ ṭ
 d ɖ ð̣ [ḍ] ɖ̣ ḍ ḍ ɖ̣ ɖ̣ ɖ̣ [ɖ̣] ɖ̣ ɖ̣ ɖ̣
 s [ṣ] z [ẓ] ш ш̣ ш̣ ш̣ j j̣ j̣ [j̣]
 k ḳ ḳ ḳ ḳ g g̣ g̣ g̣ q q̣
 ɸ ɸ̣ m f v [ṿ] ḥ ʃ̣.

15
 14
 12
 17
 13
 21
 89

Табл. III.

Абхазский аналитический алфавит.

Рукописный.

а е і о u ə y w b ɖ ɖ̣ ɖ̣ d ḍ v ṿ
 x x̣ ɖ̣ ɖ̣ k ḳ ḳ l ḷ m n ṇ p p̣ p̣ p̣
 r s t ṭ ṭ ɸ q q̣ q̣ ɸ̣ ɸ̣ ɸ̣ ḳ ḳ ḳ u ụ
 u ụ ɖ̣ ɖ̣ ɖ̣ ɖ̣ ɖ̣ ḍ ḍ ḍ ṭ ṭ ṭ ṭ q̣ q̣
 q̣ q̣ q̣ ḍ ḍ ḥ ḥ f.

Печатный алфавит расположен в другом порядке, чем рукописный, что на таблице, воспроизводимой из пособия по записыванию абхазских текстов (в ней не хватает ʃ).

Такой ли последовательности держаться? Этим я сейчас не занимаюсь. До сих пор я держался порядка размещения грузинского алфавита, где с начала идут буквы, изображающие простые звуки без шипящих, затем аффрикаты и шипящий ш, т. е. то, чего не хватало в греческом. Можно расположить¹ их в порядке движения от гласных и затем простых согласных к составным двузначным и составным трехзначным, т. е. в порядке, названном педагогическим.

Bibliothek der
Deutschen
Morgenländischen
Gesellschaft.

¹ См. О записывании абхазских текстов (Пособия для работ по фонетическому языкознанию. I) и Абхазско-русский словарь.

① B 6 1225 6 (7113)

56

ULB Halle 3/1
000 994 480

ЦИК СССР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ ЖИВЫХ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

7

В. Бартольд

ИСТОРИЯ
ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОКА В ЕВРОПЕ И РОССИИ

Л Е К Ц И И

ЧИТАННЫЕ В УНИВЕРСИТЕТЕ И В ЛЕНИНГРАДСКОМ ИНСТИТУТЕ
ЖИВЫХ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

